
ЭКОНОМИКА,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ЛИБЕРАЛИЗМ
И РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

© 2012 г. В. Миловидов

Как человеку, имевшему самое прямое отношение к регулированию финансового рынка и верящему в свою приверженность либеральным ценностям (думаю, многие удивятся этому), мне всегда хотелось ответить на вопрос о том, в чем состоит главный “продукт” деятельности регулятора. Государственное регулирование давно стало неотъемлемым элементом финансового рынка. Мы уже не представляем себе иначе его функционирование. А уж после кризиса 2007–2008 гг. роль и значение регуляторов финансового рынка существенно возросли, причем не только на национальном, но и на международном уровнях.

Исторически Россия отнюдь не последней из стран Европы пришла к пониманию необходимости государственного регулирования этого сегмента хозяйства: уже в 1824 г. в министерстве финансов Российской Империи была создана особая канцелярия по кредитной части, в чье ведение вошли вопросы контроля за банками, ценными бумагами, биржами. Хотя и с перерывами, уже более 125 лет российский финансовый рынок отдан под опеку внешней силы “гражданского управления”, призванной защитить его от разрушительной стихии эгоизма и торгашеского духа. Весь этот период государство с большей или меньшей результативностью пыталось сделать финансовый рынок общественно полезным, способным обеспечить экономический суверенитет страны и ее конкурентоспособность в глобальном состязании капиталов.

Наверное, далеко не каждый восхитится полученными результатами. Но не будем слишком строги, ведь деятельность регуляторов в зарубежных странах, финансовые рынки которых признаны более развитыми и сильными, получившими отличительный знак “МФЦ”, не выглядит безупречной и блестящей в свете недавних событий. Прошедший кризис поставил “неуд” почти всем мировым институтам государственного регулиро-

вания финансовых рынков, оставив на повестке дня тот самый вопрос о “продукте” деятельности регулятора.

Мне возразят, что, делая акцент на либеральном подходе к проблеме государственного регулирования, нет смысла пытаться оправдать полезность его “продукта”. По сути, такое оправдание уже содержится в самой постановке вопроса. Либерализм как научная система взглядов, как общественная идея вырастает из корневых понятий “свобода” и “освобождение”. И было бы, мол, лучше обосновать как раз сокращение потребности экономики в этом “государственном продукте” и, соответственно, большую востребованность “продукта” саморегулируемых сил рынка.

Государство или рынок – вот дилемма, которая обычно разводит по разные стороны баррикад либералов и этатистов (апологетов государства как конечной регулирующей силы). Мой же либеральный инстинкт настаивает, что “или” в данном случае – “условно-разделительный” союз. Перед ним мне очень хочется поставить запятую, заменив его разделительную функцию пояснительной. Может быть, мы вообще имеем дело не с дилеммой?

Если бы не было экономических и финансовых кризисов, потрясений, периодов обострения эгоизма частных интересов, явных нарушений нормального хода производства общественного продукта и развития идеального общества благосостояния, вряд ли государство было бы востребовано на хозяйственной ниве. Те самые идеальные персонажи хозяйственной жизни (“предприниматель” Й. Шумпетера, “ранний капиталист” В. Зомбарта, “экономический человек” А. Смита), движимые “естественным законом справедливости”, обеспечили бы человечеству радостную жизнь, полную постоянных инноваций, благодаря которым на новом качественном уровне воспроизводится общественное благополучие. Но история свидетельствует о другом.

В книге “Экономика добра и зла” чешский экономист Т. Седлачек пишет об экономике, как

МИЛОВИДОВ Владимир Дмитриевич, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой международных финансов МГИМО (У) МИД России (vmilovidov@hotmail.com).

об особом продукте цивилизации, в котором “так много возникшего бессознательно, спонтанно, неконтролируемо, внепланово”¹. Сталкиваясь с этими постоянными неожиданностями, человечество на протяжении своей истории пытается выработать средства защиты, предсказуемости и управляемости. Выработать иммунитет к экономической стихии, которую, как это ни странно, порой создает и пробуждает сам хозяйствующий человек.

Однако человек устроен так, что ищет объект своего облагораживающего воздействия вне самого себя. Убеденный в несовершенстве окружающего мира, он с горячностью берется за упорный труд по его совершенствованию, реформированию и модернизации. Увы, всякий раз он наталкивается на безрезультатность своего титанического труда и вновь возвращается к исходной точке. Но, как писал С. Булгаков, “субъект дан нам во взаимодействии с объектом, субъект–объект: я в мире или в природе, а природа во мне”². Спонтанность, бессознательность, внеплановость экономических событий – это подобие не столь уж редких характеристик поведения человека в обычной жизни. Мы ведь видим окружающий нас мир, отраженным в нас самих.

Где-то в глубине своего сознания человек понимает это. Однако осмысленно изменить самих себя могут лишь единицы, да и то до некоторого предела: до превращения либо в отверженных, либо в мучеников, либо в жертв. Большинству людей, чтобы “облагородиться” самим (в рамках некоторой средней общественной нормы), нужно противостоять себе подобным. Каждый человек должен оказаться в ситуации естественного отбора и выживания: его собственные недостатки должны столкнуться с недостатками других, его эгоизм – с их эгоизмом, его интересы с их интересами. Но это означает, что такие недостатки должны быть. В мире, где присутствует одна лишь добродетель, стимулы к эволюции могут легко угаснуть. Движение к благу пролегает через его отрицание.

Получается, что отрицательные чувства, слабости и недостатки как отрицательный по своей сути “дух” даны нам во благо? За этой трансформацией явно обнаруживается, как метко заметил И. Гёте, “той силы часть и вид, что вечно хочет зла и вечно добро творит”. Чтобы реализоваться в “естественных законах” эволюционного разви-

тия человека и человеческого общества, желание изжить недостатки, слабости, несовершенства, грехи должно быть общественным, взаимным, состязательным.

ЗАКОН ЗАВИСТИ

Либеральный немецкий социолог Г. Шёк, анализируя чувство зависти, называет его “энергией, которая находится в центре жизни человека в качестве существа социального”³. Зависть “возникает как только два индивида начинают сравнивать себя друг с другом”. Однако, человек, зная об этом качестве себе подобных, выстраивает собственное поведение. “Если бы мы не были вынуждены постоянно учитывать зависть других людей к чрезмерному удовольствию, которое накапливается у нас по мере отклонения от социальной нормы, социальный контроль не мог бы существовать”⁴. Люди сами не становятся менее завистливыми, они находят способы противостоять зависти других и направлять зависть на благие цели.

Шёк фактически называет инструментарий государственного регулирования “сфабрированным из зависти” в результате “угрызения социальной совести”⁵. В его концепции зависть – закаляющее, воспитывающее, дисциплинирующее общественное чувство, стихийная сила человеческого общества, способная регулировать поведения его членов. Поэтому он делает вывод: “Чем больше частные люди и хранители политической власти в данном обществе способны действовать, как если бы зависти не было, тем выше будут темпы экономического роста и тем больше будет всевозможных инноваций”⁶. К сожалению, вопрос о цене “дисциплинирования” человечества и его водворения на путь развития и благосостояния силой столь неблагоприятного чувства остается за рамками исследования зависти.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН СПРАВЕДЛИВОСТИ

А. Смит в книге “Теория нравственных чувств” вывел естественный (“природный”) закон справедливости, который становится первым нравственным воплощением “невидимой руки” рынка. Смит писал: “Все члены человеческого общества нуждаются во взаимных услугах и оди-

¹ Sedlacek T. Economics of Good and Evil. The Quest for Economic Meaning from Gilgamesh to Wall Street. N.Y., 2011. P. 3–4.

² Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2008. С. 110.

³ Шёк Г. Зависть. М., 2010. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 14, 438.

⁶ Там же. С. 27.

наково подвергаются взаимным обидам”⁷. Люди, полагал он, “имеют такое множество средств и случаев вредить друг другу, что если бы закон справедливости не был постоянно на страже для их взаимного охранения, если бы он не вызывал их уважения к себе своею святостью и своим важным значением, то они ежеминутно готовы были бы забывать его, подобно диким зверям, и человек боялся бы приблизиться к сборищу людей, как он боится вступить в пещеру, населенную львами”⁸. Это естественное поведение человека, способного “существовать только в обществе”⁹. Это закон саморегулирования общества.

ЗАКОН ДОБРОДЕТЕЛЬНОГО ЭГОИЗМА

Аналогичен законам справедливости и зависти закон “добродетельного эгоизма”, который находится в центре философского объективизма А. Рэнда. Эгоизм для нее – это “забота о своих собственных интересах”¹⁰. И это не грех. Более того, она считает: “Чтобы спасти человека и мораль, нужно спасти концепцию эгоизма”¹¹. Ведь частные интересы являются двигателем человеческой деятельности, более того, именно в ходе реализации частных интересов производятся частные продукты, складывающиеся в общественный продукт.

В книге “Добродетель эгоизма” наряду с работами Рэнд собраны также эссе Н. Брандена, являвшегося одно время ее ассистентом. В одном из них “Разве не все мы эгоисты?” он пишет: “Из-за того, что эгоистичный человек устанавливает себе цели, руководствуясь разумом, и благодаря тому, что интересы разумных людей не противоречат друг другу, другие люди нередко получают от этого выгоду”¹². В понятие “подлинного эгоизма” Бранден вслед за Рэнд включает “заботу об определении сферы личных интересов”, “ответственность за действия”, отказ от действий под влиянием прихоти¹³. Фактически, речь идет о “добродетельном эгоизме” или “эгоизме разумном”, который, в частности, нашел свое выражение в русской философии и литературе XIX в., например, в трудах Н.Г. Чернышевского.

⁷ Smith A. The Theory of Moral Sentiments. Section II. Chapter III. P. 77 (цит. по: http://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_MoralSentiments_p.pdf).

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Рэнд А. Добродетель эгоизма. М., 2012. С. 7.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Там же. С. 73.

¹³ См.: там же. С. 76.

Читая работы А. Смита о нравственных чувствах, Г. Шёка о зависти, о добродетельном (разумном) эгоизме А. Рэнд, я нахожу между ними много общего. Мне кажется, что “закон справедливости” Смита, “закон зависти” Шёка – модификации и проявления “разумного эгоизма”, некоторой силы эволюции человека, базирующейся на его частных интересах, но учитывающей интересы окружающего мира, приспособляющей эти интересы друг к другу. Это две стороны одной силы. Только Смит смотрит с позитивной, “доброй” стороны, а Шёк – с отрицательной, “злой” стороны. Защищая себя от вражды и козней других людей, человек-эгоист по “закону справедливости” старается делать благо другим, а по “закону зависти” – ограничивает и контролирует других.

Эти законы свидетельствуют о том, что, по сути, любая экономическая сила, а она всегда персонафицируется в поведении людей и отражается в их частных интересах, должна быть уравновешена своей противоположностью. Именно столкновение этих противоположностей, их состязание, конкуренция обеспечивают развитие, отбор наиболее эффективных экономических институтов и субъектов хозяйства. Столкновение этих сил – это лучшее лекарство от неэффективности. Именно так считал один из столпов экономического либерализма Ф. Хайек. Для эпиграфа к своей книге “Частные деньги” он нашел удачную цитату из У. Шекспира: “Отчаянный недуг врачуют лишь отчаянные средства”¹⁴. Это можно в полной мере отнести к проблеме достижения эффективного функционирования финансового рынка как общественного института и его государственного регулирования.

ЗАКОН НАВРСТВЕННОГО РАВНОВЕСИЯ

У Шумпетера естественной средой, в которой возможно возникновение предпринимателя, обладающего необходимым набором качеств для создания новых комбинаций, является в том числе совокупность “утонченных” и не зависящих от мнения других людей способов, с помощью которых в капиталистическом обществе измеряется “успех” или одержанная “победа”¹⁵. Но эти способы подразумевают успех и победу одних, неудачу и поражение других. Мы имеем дело с постоянным и динамичным процессом сочетания

¹⁴ См.: Hayek F.A. Denationalization of Money. The Argument Refined. L., 1990.

¹⁵ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М., 2008. С. 167.

“поощрения и наказания с отбором”¹⁶. При этом Шумпетер называет сущностью капитализма и деятельности предпринимателей процесс “экономической мутации”, “созидательного разрушения”, который “революционизирует всю экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую”¹⁷.

Однако в этом революционном процессе “созидательного разрушения”, непосредственными участниками которого являются предприниматели-инноваторы, они меняются сами, мутируют, причем не только экономически, но и духовно. Старые качества, которые собственно и сделали их предпринимателями, вытесняются новыми.

В. Зомбарт, подробно разобравший противоречивые и находящиеся в соперничестве слагаемые капиталистического духа, в своей работе “Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека” детально исследовал метаморфозы предпринимателей в процессе развития капитализма. Он вскрыл ту внутреннюю борьбу духовных начал предпринимательской деятельности, которые одновременно сулят обществу и рост благ, и катаклизмы.

Зомбарт противопоставил предпринимателей (точнее, выражаемый ими капиталистический дух) на этапе раннего и позднего капитализма. Причем, капиталистический дух в его определении – это “все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека”¹⁸. По Зомбарту, капиталистический дух существует в гармонии с раннекапиталистическим развитием общества, способствуя ему и являясь его продуктом, однако на более поздних стадиях капитализма эта гармония нарушается. Предприниматель эпохи раннего капитализма в большей степени привержен общественным идеалам, добродетелям. Более того, забота о человеке, “которая является мерой всех вещей”, пронизывает хозяйственную деятельность.

По мнению Зомбарта, хозяйство “служит человеческим целям, как и всякое другое создание рук человеческих”¹⁹. Более того, “исходной точкой всякой хозяйственной деятельности является по-

требность человека, его потребность в благах”²⁰. Однако на практике эта потребность скрыта вечной тягой предпринимателя к наживе. В средневековой Флоренции, свидетельствует Зомбарт, произошло “увенчание флорентийского духа”, в результате чего “государями этой страны стала семья менаж”²¹.

Нравственное равновесие хозяйственной деятельности определяется равновесием элементов капиталистического духа: предпринимательского духа и мещанского духа. Если первый, по определению Зомбарта, проявляется в “торгашестве”, “инстинкте наживы”, рационализме, то второй элемент, мещанский дух, представлен воззрениями и принципами, “которые вместе составляют хорошего гражданина и отца семейства, солидного и осмотрительного делового человека”²². Именно мещанский дух способствует развитию “святой хозяйственности” и “деловой морали”²³.

Зомбарт писал: “Но все, кто служил капитализму: крупный землевладелец и крупный заморский купец, банкир и спекулянт, владелец мануфактуры и торговец шерстью – все они все-таки не переставали соразмерять свою коммерческую деятельность с требованиями здоровой человечности: для всех их дело осталось только средством к цели жизни; для всех их направление и меру их деятельности определяют их собственные жизненные интересы и интересы других людей, для которых и вместе с которыми они действуют”²⁴.

Однако с развитием капитализма его законы все в большей мере способствуют укреплению “предпринимательского духа”, рационализма в ущерб “мещанскому духу”. По мнению Зомбарта, для позднего капитализма характерен другой тип предпринимателя. Его Зомбарт назвал современным экономическим человеком, для которого сам человек перестает быть мерой всех вещей, но все более важной для него становится спекуляция, все больше его деятельность подчиняется “абсолютной рационализации”. Что же касается мещанского духа или мещанских добродетелей, то они “овеществляются”²⁵.

Один дух отрицает другой. Капиталистический предприниматель под действием мистических сил превращается в “великана”, который “свободный от оков, в безумии несет по всем странам,

¹⁶ Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М., 2008. С. 452.

¹⁷ Там же. С. 461.

¹⁸ Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 2004. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 103.

²² Там же. С. 108.

²³ См.: там же. С. 109.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: там же. С. 169–186.

низвергая все становящееся на его пути”²⁶. И как мы видим из более отдаленной истории и из недавних событий этот великан внезапно превращается в разрушителя, его созидательный настрой угасает, он перестает быть силой обновления и становится силой упадка и застоя. Эгоизм теряет свою добродетель. И нужна иная сила, способная противостоять ему и восстановить утерянные им созидательные способности.

В упомянутой выше книге “Экономика добра и зла” Т. Седлачек погружает читателя в анализ экономических мотивов древних мифов и преданий. Анализируя легенду о Гильгамеше, он обнаруживает образ “невидимой руки”, регулирующей некие общественные отношения. В этом образе является персонаж легенды Энкиду, которого автор сравнивает с “прирученным диким духом (злом – *evil*)”²⁷. Энкиду по легенде не может быть побежден, но может быть “окультурен и одомашнен”.

Рассказывая историю Энкиду, полузверя и получеловека, посланного богами в наказание Гильгамешу, но ставшего его другом и соратником, Седлачек делает вывод: “Иногда лучше использовать дьявола, чтобы пахать на нем, чем бороться с ним”²⁸. Подтверждение этому выводу он находит в чешской легенде о Святом Прокопии, который жил в уединении, вырубал лес и возделывал землю. Святой Прокопий “знал, как управляться с опасностями, которых люди обычно избегают” и потому сумел запрячь дьявола в плуг и пахать землю²⁹. Но при этом Седлачек делает одно существенное замечание: “Только святой в истории с Прокопием обладал силой преобразования, способной использовать злой дух, изменить, направить его на службу общему благосостоянию”³⁰. Святость оказывается тем самым “отчаянным средством”, которое противостоит злему духу, становясь духом, отрицающим зло. Она восстанавливает нравственное равновесие в обществе: эгоистичное зло служит общественным интересам.

Мы видим, что ни “закон зависти”, ни “закон справедливости”, ни “закон добродетельного эгоизма”, ни “мещанский дух”, ни утонченные способы измерения успеха предпринимателей и их особых качеств не избавляют общество от экономических катаклизмов, а “закон нравственного равновесия” действует с переборами. Кто же тот

“святой”, способный запрячь стихию хозяйства в упряжь созидательного прогресса? Здесь как-то сама собой напрашивается тема государственного регулирования.

В книге Ж. Кальвина “Наставления в христианской вере” “гражданское управление” или государственная власть определяется как самостоятельная и востребованная сила, причем сила заведомо позитивная, даже святая. Кальвин отрицал противодействие власти, он призывал к ее уважению и подчинению ей, даже если власть “принадлежит людям совершенно недостойным и пятнающим ее”³¹. При этом он признавал, что и власть может быть безупречной. Однако и на нее есть свой “отрицающий дух”, своя усмиряющая сила. Прежде всего это “отмщение Божье”, но также институты демократического, гражданского общества: “органы типа магистратов, поставленные для защиты народа и обуздания чрезмерной алчности и распушенности монархов”³². В истории Кальвин находит аналоги им в лице спартанских эфоров, демархов афинян, а также первых европейских парламентов, ассамблей, сеймов.

Иначе говоря, и государство не свято. Оно не лишено недостатков. В его деятельности мы обнаруживаем столкновение не самых благовидных чувств и страстей, поэтому оно само нуждается в “узде”. Вопрос о “запрягающем святом” остается открытым, как и вопрос о сочетании мотиваций государства: зависти, эгоизме, добродетели, справедливости.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАКОН “ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФИТНЕСА”

Во всех приведенных выше примерах действующих в хозяйстве духов, сил и законов мы можем заметить нечто общее – постоянное взаимодействие, столкновение участников хозяйственного процесса: предпринимателей с предпринимателями, эгоистов с эгоистами, завистников с объектами их зависти, носителей добродетели и справедливости с теми, кто мог бы стать их врагами, обладателей мещанского и предпринимательского духов, наконец, их всех в той или иной степени с государством или “гражданским управлением”, которое призвано сдерживать “разбушевавшегося великана” рыночного хозяйства. Мы имеем дело с постоянным соперничеством, конкуренцией, даже некоторой хозяйственной игрой.

²⁶ Там же. С. 354.

²⁷ Sedlacek T. Op. cit. P. 36–37.

²⁸ Там же. P. 37.

²⁹ См.: там же.

³⁰ Там же. P. 38.

³¹ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Книга IV. Гл. XX. Разд. 31 (цит. по: <http://jeancalvin.ru/institution>).

³² Там же.

Ставка в этой игре – общественное благосостояние, которое лишь в абстракции является суммой благосостояний каждого члена общества. До этой идеальной суммы играющим нужно пройти много раундов ожесточенных столкновений, блефа, споров и жарких разбирательств. И государство вовсе не арбитр в этой игре, как принято считать. Оно – участник этой игры как самостоятельная сила, дополняющая силу аскетического саморегулирования добродетельных эгоистов.

Эту хозяйственную игру можно попытаться определить в терминологии теории игр как “некооперативную игру”. Ее законы и принципы в свое время сформулировал Дж. Нэш. Теория игр нашла широкое применение в экономике, прежде всего при анализе рыночных ситуаций, олигополий, союзов, переговоров.

Особенностью работ Нэша было то, что он начал искать такое игровое равновесие, в котором нет победителей и побежденных. Первоначально он выдвинул принцип равновесия в некооперативной (антагонистической) игре (равновесие Нэша). Оно достигается, если каждый участник игры уже выбрал себе стратегию и не меняет ее, а игрок, меняющий стратегию в одностороннем порядке, не может получить какую-либо выгоду.

В более поздних работах Нэш пытается найти, как он сам пишет, “естественную эволюцию” некооперативного поведения игроков, мотивированных их собственными антагонистическими интересами, в их кооперативное поведение и сотрудничество³³. Так Нэш в некотором смысле эксплуатирует концепцию добродетельного или разумного эгоизма, в чем-то солидаризируясь с законом справедливости Смита³⁴.

В одной из сравнительно недавних статей Нэш задается целью смоделировать сотрудничество (кооперацию) игроков посредством “акта при-

знания” (*action of acceptance*), когда один игрок признает посредническую (агентскую) миссию (*agency*) другого игрока или коалиции игроков³⁵. Как следует из условий Нэша, перед нами некая возобновляемая, продолжающаяся игра, в которой каждый игрок может некооперативно реагировать на нежелательные ему действия других игроков, но при определенных условиях в результате “акта признания” выбирать себе посредника в лице другого игрока или нескольких игроков.

Задав эти условия для моделирования экспериментальной игровой ситуации, Нэш подчеркивает, что в практической теории игр игроками могут быть не только люди, но и корпорации и государство³⁶. Если переложить на реальную экономическую почву агентскую модель коалиций, предложенную Нэшем, мы сможем найти многочисленные случаи игры-соперничества предпринимателей, корпораций, финансовых институтов между собой и их клиентами, когда они не желают идти на уступки, кооперироваться друг с другом, но с готовностью приходят к разрешению своих конфликтов при участии посредника в лице государства (по Нэшу, “голосуют за выбор агента”).

Работы Нэша оказали существенное влияние на исследователей самых различных сфер человеческой жизни и областей научных знаний. Так, на основе моделей некооперативных игр были приняты попытки переосмыслить теорию эволюции животных и человека. Уходя с помощью теории игр в глубины биологических законов, ученые сделали открытия, позволяющие постичь суть экономических отношений. В 1973 г. в журнале *Nature* была опубликована небольшая статья Дж.М. Смита и Г.Р. Прайса “Логика конфликта животных”, в которой они впервые сформулировали концепцию “эволюционно стабильных стратегий”³⁷. Описывая жизнь животных, авторы идеи обнаружили определенные стратегии в их поведении, умение приспосабливаться к ситуации и, реагируя на нее, развиваться.

Выводы ученых важны: 1) побеждает тот, кто может придерживаться своей стратегии как можно дольше; 2) эволюционно стабильные “популяции” многообразны по формам “жизни” (полиморфны); 3) представители таких полиморфных “популяций” способны менять свое поведение в зависимости от ситуации.

³³ См.: Nash J.F. The Agencies Method for Modeling Coalitions and Cooperation in Games // *International Game Theory Review*. V. 10. 2008. № 4. P. 539–564.

³⁴ См.: Дубина И.Н. Основы теории экономических игр. М., 2010. С. 7. И.Н. Дубина утверждает, что якобы Нэш отрицал классический подход А. Смита к развитию, в котором “каждый сам за себя”. Мне представляется это некорректной трактовкой “невидимой руки”, если учесть выведенный Смитом “закон справедливости”, который ничуть не противоречит принципу “сделать лучше для себя, делая лучше другим”. Корни такого вывода И.Н. Дубины прослеживаются в фильме “Игры разума”, посвященному Дж. Нэшу. Там действительно есть эпизод, в котором герой фильма в исполнении Расселла Кроу в баре объясняет друзьям, в чем был неправ Смит. Не думаю, что это лучший источник для научного анализа взглядов двух великих ученых.

³⁵ См.: Nash J.F. Цит. соч. P. 539.

³⁶ См.: *ibid.*

³⁷ Smith J.M., Price G.R. The Logic of Animal Conflict // *Nature*. V. 246. November 2. 1973. P. 15–17.

Эти выводы вплотную подводят нас к аналогиям из области экономики. “Агентство” Нэша в игре антагонистических игроков и “эволюционно стабильные стратегии” могут быть легко применены к анализу государственного регулирования, взаимоотношений государства и бизнеса в каждом экономическом сегменте и на каждом рынке.

Появление государства в экономике изначально является реализацией потребности самих участников рынка во внешней силе, посреднике и участнике, способных сбалансировать конфликты и антагонизм соперничающих “духов”. Со временем государство начинает играть на всех фронтах, и его стратегия обретает устойчивость в долгосрочной перспективе. Действия государства провоцируют участников рынка на последовательность ответных шагов-стратегий. Возникают “полиморфные популяции” многочисленных экономических институтов, организаций, фирм, генерирующих самые различные инструменты кругооборота материальных и финансовых ценностей. В этом полиморфизме стабильность их существования. Государство отвечает тем же. Оно приводит свою стратегию в соответствие со стратегиями множества экономических субъектов, в том числе субъектов финансового рынка. Так формируется механизм эволюции, где каждый приспосабливается друг к другу и всякий раз по разным причинам нарушает достигнутое и временно устойчивое состояние приспособленности. Эволюция как борьба, как постоянное состязание **всех** участников экономики, их игра, противостояние, доказывание своей эффективности как смена стратегий и приспособление к ним – вот тот “святой”, который способен обуздать “злой дух” экономики.

Государственное регулирование и саморегулирование рынка, будучи, казалось бы, антагонистическими силами, вынуждены учитывать друг друга и взаимно приспосабливаться. Ведь в реальных ситуациях то государство становится агентом большей или меньшей группы экономических игроков, то частные предприниматели или институты становятся агентами государства. Только постоянное взаимодействие государства как стража общественных интересов с представителями многих частных интересов, постоянная игра-соперничество, обеспечивают эволюцию полиморфизма окружающей нас экономической среды, включая финансовую систему.

Говоря языком теории эволюции, “продукт” государственного регулирования экономики в целом и финансового рынка в частности – это постоянные “тренировки бизнеса”, “дрессировка

рынка”, его “воспитание”, “закалка” и “муштра” в целях его же саморазвития, эволюции как сильного и способного к выживанию экономического института. Но, тренируя других, государство тренируется само. В интервью журналу *Der Spiegel* Т. Седлачек говорит: «Слово “регулирование” имеет негативную коннотацию, лучше говорить о координации». И делает вывод: “На корте нужны два человека: в теннис невозможно играть одному”³⁸.

Государственное регулирование – это “фитнес” для частного бизнеса. Это даже не “продукт”, а общественная услуга: поддерживать экономические институты в “тонусе эволюционного развития”. И государство должно соответствовать взыскательному спросу на качество этих услуг, а значит, должно само тренироваться, накачивать свои мышцы, укреплять свою сопротивляемость внешним силам, оттачивать свое мастерство тренера, чтобы сохранять за собой столь важное обществу место инструктора в “фитнес-центре хозяйства”. Без участия государства-инструктора в этой вечной эволюционной игре, без этих взаимных “тренировок” и в экономике, и на финансовом рынке, да и в самом государстве верх взяли бы “мутанты”, которых сегодня мы хоть и встречаем, но все-таки изредка.

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЛИБЕРАЛИЗМ

Саморегулируемая сила рынка и сила внешнего государственного регулирования (“гражданского управления”) не разъединены, как принято считать, они не противостоят друг другу в контексте дилеммы “или-или”. Они всегда сосуществуют рядом и укрепляют друг друга. Наверное, можно представить абстрактную временную точку в человеческой истории, когда, например, государственной силы не существовало из-за отсутствия государства. Но ведь его отсутствие – формальность. Государство – это не здание, где расположены властные силы, ни бюрократия, ни трон, ни властная персона. Власть – это отношения, это общественная услуга, возникшая как компромисс частных интересов, чтобы противостоять их собственному же эгоизму. Поэтому, убежден, что в первые часы рождения человека как “общественного существа”, а, значит, хозяйствующего, вовлеченного в хозяйственные отношения с другими людьми, найдутся прообразы институтов

³⁸ Алчность – причина всего. Тенденции в экономической этике: чешский экономист Томаш Седлачек о кризисе и морали // Профиль. № 12. 02.04.2012. С. 36.

государственного, то есть гражданского управления. Это могут быть легенды и мифы, страхи, правила племен, верования, наконец, чувство долга и зависимости от своих собратьев. В любом случае сегодня эти силы неразделимы, а попытки их разделить отбрасывают нас не только в невозвратные глубины человеческой истории, но в ту пору, когда “земля была безвидна и пуста”. Однако и там скептики обнаружат созидающий и направляющий жизнь Дух Божий³⁹.

Связанные эволюционным процессом, государственное регулирование и саморегулирование рынка должны быть взаимно сильны. Без сильного государства рыночные институты превращаются в хаотичный набор враждующих субъектов частного эгоизма, затрудняющих развитие друг друга. Без сильного саморегулируемого рынка, представленного сильными ассоциациями, союзами, отдельными предпринимателями и бизнесом как таковым государство утрачивает свои способности отстаивать общественные интересы, содействовать эволюции общества. Оно погружается в летаргический сон паразитизма, черпая остатки сил из иссыхающих источников экономического благосостояния. Слабость рынка обрекает государство на слабость, а слабость государства лишает силы и сам рынок. В итоге разрушается общество.

В свое время мне довелось вести со своими оппонентами дискуссию об установлении дополнительных требований к деятельности профессиональных участников финансового рынка. Осознавая нарастание проблем фирм-однодневок на финансовом рынке, я предложил повысить минимальный уровень собственного капитала более чем в 3 раза, сделать более понятным и прозрачным его расчет, обязать владельцев финансовых компаний формировать советы директоров, чтобы контролировать менеджмент⁴⁰. Участники рынка, а точнее представители их саморегулируемых организаций (СРО), понимая, что предложенные меры сократят номинальное количество финансовых посредников, отреагировали с издевкой: мол, конечно, регулятору удобнее взаимодействовать с узким кругом крупных институтов.

Я не стал отступать и через некоторое время предложил процедуру предлицензионной проверки надежности финансовых посредников. Согласно этим предложениям, которые были

реализованы⁴¹ и начали действовать, к заявителю на получение лицензии направляется выездная проверка с целью выявить, чем собственно он обладает, претендуя на имя профессионального участника рынка: офис, оборудование, сотрудники, капитал. Логика этих ужесточений была обратной той, что пытались навязать их противники: регулятору для эффективной работы нужны сильные институты, с которыми труднее работать и которым сложнее противостоять. Любой негативный момент в их деятельности оказывается гораздо заметнее и чувствительнее для всего рынка. Но и их потенциал обеспечения общественных интересов значительно выше.

Именно укрепление финансовых посредников, рост потенциала выполняемой ими общественной функции заставляет регулятора сосредотачиваться на системных проблемах их стабильности, ответственности, надежности. То есть на условиях и предпосылках эффективного распределения в экономике инвестиционных ресурсов, обеспечения всей финансовой индустрией экономического развития и роста благосостояния.

Результат указанных выше нововведений оказался ошеломляющим: число лицензируемых организаций сократилось в разы. Если в 2009 г. было выдано 950 лицензий, в 2010-м уже 585, а в 2011-м – всего 228. Эта статистика показывает, до какой степени неподготовленными и фиктивными были создававшиеся у нас ранее финансовые компании. На деле это были лишь формальные бумажные свидетельства о регистрации юридических лиц, да счета в банке, которыми можно было управлять дистанционно. Чем на самом деле намеревались заниматься такие “профессионалы”, остается лишь догадываться.

Надо сказать, что за период с 2007 по 2011 г. с командой сотрудников ФСФР мне удалось реализовать на практике целый ряд законодательных инициатив, которые долгое время находили свое выражение лишь в ярких выступлениях на различных конференциях и форумах. В комплексе введенные меры стали хорошим “тренажером” для участников финансового рынка. Речь шла, в частности, о введении уголовной ответственности за нарушение законодательства в вопросах учета прав собственности и ведения реестров ценных бумаг, а также за использование инсайдерской информации; о повышении в 20–30 раз размеров штрафов за противоправные действия, а также за невнимательность и безответственность работ-

³⁹ См.: Бытие. Гл. I, 1:2.

⁴⁰ См. подробнее: ФСФР переходит на капитальный расчет // Коммерсантъ. № 131. 22.07.2009; Брокерам совет предприниман // Коммерсантъ. № 62. 09.04.2010.

⁴¹ См. подробнее: Антибумажный регламент // Коммерсантъ. № 59. 06.04.2011.

ников финансовых институтов; о существенной детализации законодательства по производным финансовым инструментам (например, введение института центрального контрагента, механизма ликвидационного неттинга), долгое время оставшимся слабо регулируемой зоной рыночных отношений; о принятии после 10 лет дискуссий закона, противодействующего инсайду и манипулированию рынком; об общем усилении надзора и правоприменения.

Наиболее заметными результатами укрепления государственного регулирования и надзора на российском финансовом рынке стали, с одной стороны, многократное снижение нарушений, совершаемых, например, акционерными обществами в процессе раскрытия информации о себе и публикации отчетов для акционеров, а с другой стороны, увеличение числа аннулируемых лицензий и аттестатов руководителей профессиональных участников рынка ценных бумаг. Впервые штрафам подверглись крупнейшие финансовые институты, включая наши основные биржи, а лицензии потеряли участники с многолетней и, как всем казалось, образцовой репутацией. Была развернута беспрецедентная борьба с компаниями-призраками, занятыми чистым мошенничеством и отмыванием денежных средств.

Постепенно у участников рынка выработалось понимание неизбежности укрепления государства и его правоприменительной практики, уменьшения серых зон безнаказанности. Возникает вопрос: а мог ли наш финансовый рынок самостоятельно “натренироваться” так, чтобы стать социально ответственным? Убежден, что да, хотя для достижения явных и весомых результатов потребовалось бы весьма продолжительное время. Да и напор государства в лице регулятора финансового рынка был в описываемый момент не только субъективно, но и исторически детерминирован. Ведь многое из того, что было сделано тогда в части укрепления регулирующей силы государства на финансовом рынке, определялось остротой финансового кризиса. Именно он позволил по-новому посмотреть на многие вещи, многое переосмыслить и помог утвердиться в решениях, по поводу которых регулятор колебался на протяжении многих лет.

Усиление государственного регулирования экономики под влиянием кризисов не является особенностью нашего рынка. Это всеобщий феномен, который, например, достаточно детально рассмотрел в своей работе “Кризис и Левиафан” Р. Хиггс. Опираясь на многочисленные примеры

из истории США, он констатирует: “В условиях сурового делового спада многие приходят к убеждению, что возможности эффективного функционирования рыночной экономики исчерпаны и что дела пойдут лучше, если правительство займется более всесторонним планированием или регулированием”⁴².

Действительно, кризисы сопровождаются своего рода наступлением государства. По мнению Хиггса, в исторической перспективе этот процесс всякий раз развивался по известному в современной экономической теории “принципу храповика”, то есть “прерывистого повышательного движения: после каждого значительного кризиса размер государства становился хоть и меньше, чем на пике кризиса, но больше, чем был бы, если вместо кризиса темпы роста оставались прежними”⁴³. Именно это движение с периодом незначительного “обратного сжатия” подталкивает Хиггса к обобщению: “Возможно, именно кризисы обеспечивают живучесть того феномена, который многие аналитики неявно воспринимают как процесс непрерывной вековой экспансии государства”⁴⁴.

В работе Хиггса, исходя из контекста моих рассуждений, следует выделить два важных и, как представляется, взаимосвязанных аспекта. Говоря об “эффекте храповика” в действии регулирующей силы государства, Хиггс никак не анализирует ответное действие саморегулируемой силы рынка. Это и есть первый аспект.

Действительно, применим ли “эффект храповика” к силе рынка? Когда читаешь книгу Хиггса, складывается впечатление, что эта саморегулируемая сила действует скорее в обратном направлении, как “прерывистое понижательное движение”. Автор как бы признает, что саморегулируемая сила рынка остается настолько слабой и подавленной, что не может сопротивляться силе государственного управления. Однако Хиггс не случайно акцентирует внимание на “послекризисном сжатии” государственной силы, несмотря на то, что у этого сжатия очень небольшой запас “обратного хода”. Углубляясь в ответ на вопрос, почему это сжатие “неполное”, то есть почему усиление государства в момент кризиса не ослабевает после его завершения и сила государства не возвращается к своему предкризисному состоянию, Хиггс, по сути, формулирует второй важный аспект своего исследования.

⁴² Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М., 2010. С. 53.

⁴³ Там же. С. 70.

⁴⁴ Там же. С. 124.

По Хиггсу, основной силой, способной противостать и сдержать крепнущую силу государственного управления является идеология и политика. Иначе говоря, в некоторой степени он солидаризируется с Кальвином. Хиггс пишет: “Без организованного политического сопротивления ведомство так и будет заниматься своим делом или даже расширит его”⁴⁵. На силу рынка, очевидно, надеяться не приходится. Дело в том, что вместе с ростом государства и правительства крепнут их “страстно заинтересованные клиенты из частного бизнеса”, которые “извлекают существенную выгоду для себя, а издержки тонким слоем распределяют среди куда более многочисленной группы налогоплательщиков или тех, на кого издержки ложатся косвенным образом”⁴⁶.

Примеры такого соглашательства можно найти и на нашем, и на мировом финансовых рынках. Правда, в короткий исторический период очень сложно выявить эту “страстную заинтересованность”, так как иногда она сильно завуалирована дискуссионной и антирегулятивной риторикой.

Одним из первых в России конфликтов регулятора финансового рынка и саморегулируемых организаций был связан с отменой в 2001 г. обязательного членства участников рынка в таких организациях. Будучи горячим сторонником и проводником такой меры, я наблюдал, с каким ожесточенным сопротивлением рыночная бюрократия расстается с предоставленной ей самим же государством “системой кормления”. И в последующие годы критика регулятора в подтексте зачастую означала желание перераспределить государственные функции в пользу СРО, что косвенно лишь означало глубокую и хорошо законспирированную заинтересованность в усилении государственного регулирования. Однако это не имеет никакого отношения к сути подлинного саморегулирования, призванного стимулировать и поддерживать “нравственное равновесие”, ответственность, общественную сознательность в действиях частных субъектов рынка.

Вернемся к Хиггсу. Его книга вышла в 1987 г., когда только завершились процессы дерегулирования финансового рынка США. Он увидел в “рейганавтах” некоторый аналог революционеров, хотя называл их консерваторами, и явно симпатизировал дерегуляторному тренду. Но при этом он оценил их работу крайне негативно:

“Провозглашенная Рейганом революция окончилась пшиком”⁴⁷. Надо сказать, что в этой оценке Хиггс оказался пророком, хотя и не в том смысле, который он в эту фразу вкладывал⁴⁸.

* * *

Рейгановское дерегулирование финансовой сферы стало той стартовой точкой, из которой выросла и разветвилась индустрия финансового инжиниринга, деривативов, комбинированных финансовых операций. Благодаря ему развились хедж-фонды, расширился спектр рискованных операций банков, нашедших и новые формы страхования финансовых рисков, и новые источники заработка: арбитражные и хеджевые сделки, кредитные дефолтные свопы, операции с “второсортными” кредитами (*sub-prime lending*). Именно они и взорвали рынок в 2007–2008 гг. Даже в буквальном смысле кризис на долговом ипотечном рынке США в 2007 г. стал “пшиком” рейгановской “революции”: в 80-е годы прошло масштабное дерегулирование сберегательных институтов – основных источников ипотечных кредитов.

Новая реакция государства, но уже в международном масштабе, не заставила себя ждать. Она реализовалась в серии регулятивных инициатив, включая создание наднациональных координационных органов (в частности, Совета по финансовой стабильности); реформатирование мегарегуляторов и формирование на их основе различных по задачам государственных органов пруденциального надзора и защиты прав потребителей финансовых услуг; ограничение деятельности хедж-фондов; ужесточение регулирования производных инструментов и внедрение института центрального контрагента на рынке деривативов. Стоит отметить также фактический возврат в США к разделению коммерческих и инвестиционных банков взамен отмененного на волне рейгановского дерегулирования закона Гласса–Стигалла. Со своей стороны европейские государственные лидеры заговорили о необходимости ввести спецналоги на финансовые операции и контролировать вознаграждение менеджеров крупных финансовых институтов и банков.

Не только в этом сбылось пророчество Хиггса. Кризис вновь обнажил исключительную слабость

⁴⁷ Там же. С. 446.

⁴⁸ Хиггс приводит меткое наблюдение Г. Штайна: “Даже консервативное правительство, находясь у власти, не стремится ограничить собственные полномочия”. Хиггс Р. Цит. соч. С. 446.

⁴⁵ Там же. С. 138.

⁴⁶ Там же.

саморегулирующих способностей рынка. Кризис “проспали” не только регуляторы, но и рейтинговые агентства, аудиторы крупных банков, да и сами банки. Наиболее ярким свидетельством неспособности бизнеса самостоятельно предупреждать риски и противостоять разрушительному эгоизму частного интереса стало банкротство банка *Lehman Brothers*.

Как и писал Хиггс, единственным ответом на неэффективность сил государственного регулирования и рыночного саморегулирования могла стать политика и идеология. Она явилась миру в колоннах движения “Оккупируй Уолл-Стрит”, ярко выраженного протеста левых либералов и анархистов. Может быть поэтому, по собственному признанию Хиггса, с наступлением XXI в. он стал “либертарианским анархистом”⁴⁹, фактически солидаризировавшись с идеологами “движения оккупантов”, которые отрицают финансовые институты и рынок как таковые, призывая прощать долги всем и себе в первую очередь.

⁴⁹ См.: *Higgs R. What is the Point of My Libertarian Anarchism. Bad Quaker Dot Com. 13.01.2012* (<http://badquaker.com/archives/1315>).

Я же придерживаюсь собственной точки зрения: ощущение свободы приходит лишь с осознанием ее отсутствия. Только в таком случае приливают силы, появляется стремление доказывать свою эффективность, созидательность, развиваться и эволюционировать. Как метко писал русский философ-идеалист Н. Бердяев: “Все достоинство человека основано на чувстве свободной ответственности”⁵⁰. Иначе мы очень легко начинаем понимать свободу как простое перераспределение чужих прав в свою пользу. А потому готовы отрицать силу государственного регулирования не ради укрепления силы саморегулирования, предполагающей нашу собственную ответственность, а ради наделения самих себя силой требовать ответственности от других. Так мы становимся той силой, которую отрицаем. И “дух отрицания” отрицает нас. Я не сторонник таких трансмутаций.

Ключевые слова: финансовый рынок, государственное регулирование, либерализм, саморегулируемые организации, кризис, Россия, США.

⁵⁰ *Бердяев Н. Философия свободы. М., 2010. С. 234.*